

Тема 7. Россия 1913 года на фоне других стран мира

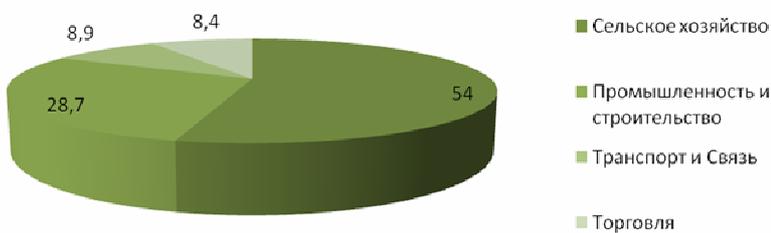


Место России среди других стран мира.

1913 год – последний мирный год Российской империи. Рассматривая количественные данные за этот год, можно подвести итог полувековой гонки царской России на пути к модернизации. Конечно, объективная оценка невозможна, если не сопоставлять эти итоги с данными развития других стран – современниц Российской империи.

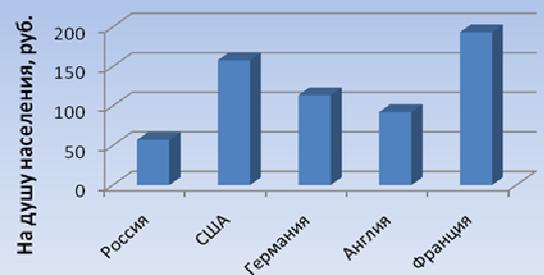
Сразу бросается в глаза, что по сравнению с другими участниками большой мировой политики Россия 1913 г. – самая аграрная и мало урбанизированная страна. Львиная доля дохода приходится на сельское хозяйство. И хотя аграрный сектор растет и

Структура национального дохода России (%)

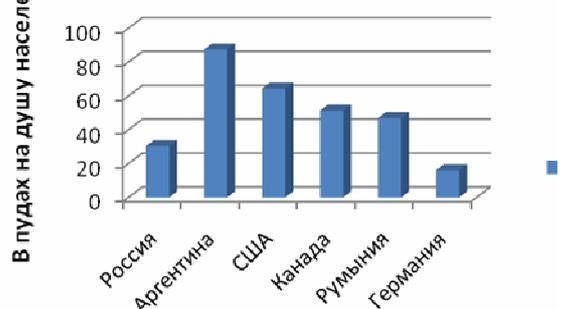


развивается, сравнение его доходности с сельскохозяйственными секторами других стран сразу отбрасывает Россию на последнее место.

Производство аграрной продукции (1913 г.)



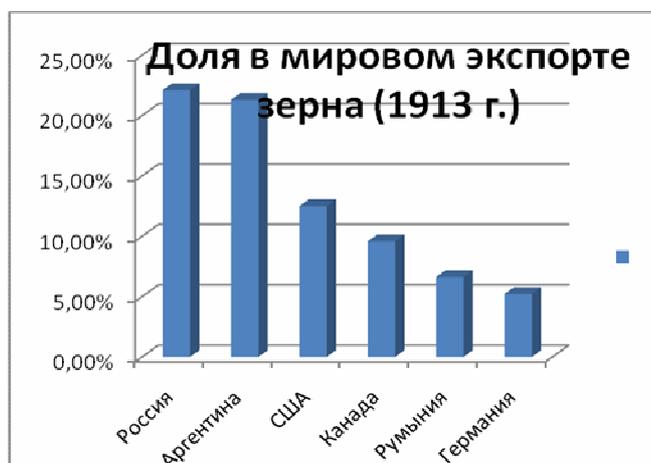
Урожай зерновых (1913 г.)



Важно, что Россию обгоняют не только аграрно-ориентированные конкуренты, но и страны, где сельское население составляет меньшинство. Очевидно, внедрение эффективных образцов технологий и практик, о котором мечтали еще в эпоху Александра II (Освободителя,) так и не состоялось. Почему страна по-прежнему отставала? Может быть, из-за того, что перестал работать «насос» Бунге/ Вышнеградского/ Витте, который должен был перекачивать в Россию передовые технологии и капиталы в обмен на зерно? Нет, «насос» не был остановлен, и в начале второго десятилетия XX в. Россия продолжала свой знаменитый «голодный экспорт».



Но, обгоняя остальных мировых экспортеров в вывозе хлеба, Россия резко (в разы) отставала от конкурентов по урожайности, по удобрениям, по количеству тяглового скота. Результатом постоянного перенапряжения стал регулярный голод в деревнях (по терминологии правительства – «недород»). Голод сопровождался эпидемиями – демографы вели счет погибших на миллионы. Видим: жертвы прогрессу приносятся регулярно. Но



каков результат? Результат – парадоксальный.

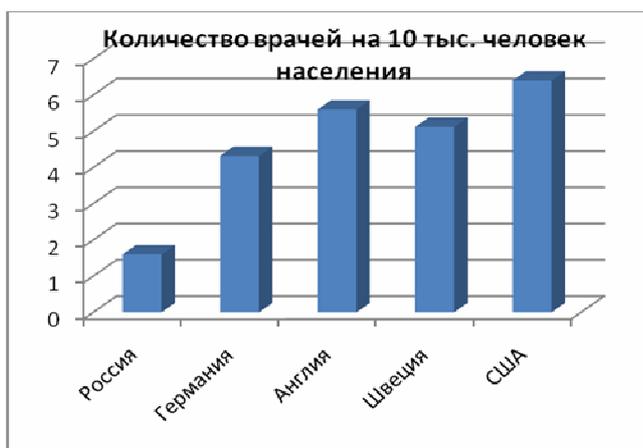
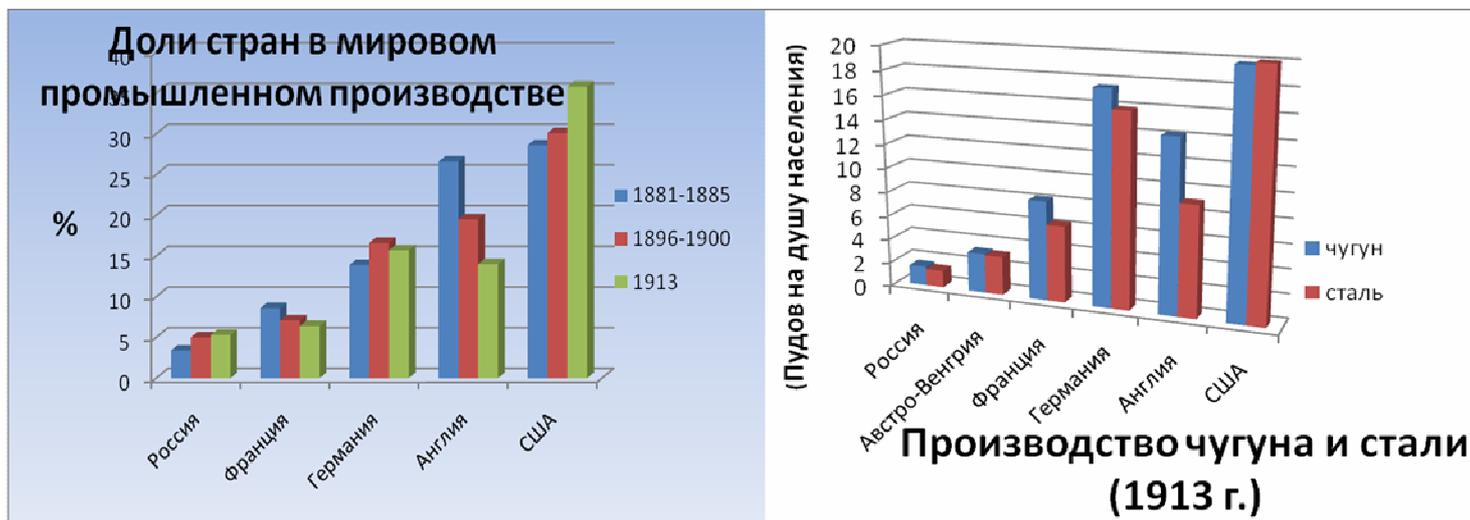
С одной стороны, Россия всё время лидирует по темпам роста промышленности, обгоняя в этом флагманов мирового развития. Как площадка для вложения капиталов Россия – одна из самых прибыльных.

С другой стороны – российская модернизация сопровождается неуклонным относительным падением национального дохода (в расчете на душу населения). Ясно,

что иностранные инвесторы вывозят в Россию свои капиталы для того, чтобы потом увести их из нее в еще большем объеме. Причем это утечка капитала происходила гораздо

быстрее, чем расширялся промышленный сектор. Фактически промышленность топталась на месте, оставаясь на уровне «промышленного подъема» конца XIX в.

Потому-то Россия и сталкивается с огромным аграрным перенаселением, таким, которое любой рост дохода в целом превратит в сокращение (в расчете на душу населения). Россия спешит изо всех сил, но темпы её развития явно недостаточны для того, чтобы в обозримой перспективе сократить разрыв с развитыми (и даже не очень развитыми) участниками мировой экономики и политики. А отпущенное историей время заканчивается. На пороге – Первая мировая война. С чем Россия подходит к этой войне?



Заметим, что инвестиции в человеческий капитал в России проводятся. В стране также постепенно демонтируется архаическое сословное общество. Но темпы этого социального инвестирования и этого антисословного демонтажа не идут ни в какое сравнение с аналогичными показателями развитых стран-современниц и даже развивающихся бывших колоний, вроде Аргентины.

В чем тут дело?

Во-первых, в той роли, которую Россия продолжает играть в мировом разделении труда – она остается аграрно-сырьевым поставщиком.



Во-вторых, *географически* Россия занимает весьма невыгодное положение: все ее торговые пути обременены посредниками, и к началу XX в. ясно, что ни на западе, ни на юге, ни на востоке стране не вырваться из окружения посредников. Это обстоятельство не позволяет накапливать существенные средства, доводить их до необходимого уровня.

В-третьих, Россия включилась в международное разделение труда достаточно *поздно* для того, чтобы тягаться с Францией и Германией. И в то же время она включилась в это разделение достаточно *рано* для того, чтобы угнаться за новыми участниками вроде Японии.

Последнее утверждение требует пояснения. Россия начала заимствовать промышленные технологии в период британской монополии на них (1830-е гг.), а Япония – в период развертывания технологической конкуренции между Англией, Германией и США (1870-е гг.). Стало быть, в случае Японии они были более развиты и стоили дешевле.

Но дело также и в наличии в каждой из этих стран общественных сил, заинтересованных во внедрении образцов индустрии в общественное производство.

Петровские реформы, связанные с европеизацией России, создали относительно успешное имперское государство, способное защищать российский общественный уклад от прямых внешних посягательств. Доказательством такой способности стала гибель «Великой армии» Наполеона, на счету которой до 1812 г. были одни победы. Значит, политическая верхушка Российской империи и её правящее сословие – дворянство до поры до времени чувствовали себя в безопасности. Так продолжалось примерно до середины XIX в. И даже поражение в Крымской войне навели власть имущих на мысль об отставании, но не на мысль о прямой опасности. Поэтому и демонтаж сословного общества в России затянулся надолго – вплоть до начала XX в.

«Великие реформы» Александра II можно считать лишь отдалённым подобием движения по американскому пути либерального капитализма и свободного труда. С другой стороны, контрреформы Александра III. столь же отдаленно напоминают прусский или японский исторический опыт национально ориентированного *госкапитализма*. Дело в том, что по тому, ни по другому пути Россия не пошла последовательно.

Государственный капитализм. О государственном капитализме говорят тогда, когда само государство выступает как крупный собственник и в то же время как активный регулятор всего капиталистического хозяйства.

Русское общество было сконструировано в интересах дворян – крупных землевладельцев. Дворяне-помещики получали доход, отдавая землю в аренду десятками миллионов неграмотных и бесправных крестьян, а также поставляя аграрное сырье на внешние рынки. Казалось, эта система незыблема и не может быть поколеблена изнутри. Но и извне и в XVIII, и в XIX вв. правительство и правящий слой не видели для себя настоящей опасности – такой, которую почувствовала японская элита после ультиматума адмирала Перри (1853 г.), подтолкнувшего «реставрацию Мейдзи»¹.

С другой стороны, русские землевладельцы начала XX в. не были так ослаблены, как их собратья – латифундисты Юга США, потерпевшие в Гражданской войне поражение от

¹ Япония периода сёгуната (XVII-XIX вв.) – отсталое феодальное государство, проводящее политику самоизоляции. Американская эскадра адмирала Перри прибыла к берегам Японии в 1853 г. для того, чтобы от имени США потребовать свободу торговли с этой островной страной. Появление мощного парового флота американцев и намёк Перри, что в случае отказа японцев открыть свой внутренний рынок эскадра использует оружие, ввергли японскую верхушку в панику. Япония уступила. Открытие рынков для иностранцев разорило местных феодалов-даймё, привело к упадку самурайства и вызвало политический кризис, ответом на который и стала «революция сверху», получившая название «реставрация Мейдзи».

северян. Сословное общество Российской империи продолжало оставаться в законсервированном состоянии. Слой разночинцев, составлявший главный ресурс для формирования массовой оппозиции царскому правительству, не был по-настоящему востребован для создания массовой когорты городских специалистов-управленцев. Крестьян открепили от помещиков, но преобладание торговцев-сырьевиков сдерживало индустриализацию и усиливало аграрное перенаселение.

Россия включилась в международное разделение труда позже, чем Англия и Франция (отсюда потери из-за британской технологической монополии), но раньше, чем Япония (отсюда невозможность воспользоваться преимуществами технологической конкуренции, развернувшейся во второй половине XIX в. между ведущими странами Запада). Все это, вместе взятое, привело к тому, что русское правительство располагало весьма мощными средствами защиты, но при этом общество не обладало достаточными способностями к трансформации.

В этих условиях времени и места трудно было рассчитывать на то, что капиталы в стране вообще будут *накапливаться*.

Поведение российской аристократической верхушки, которая не использует возможности интенсификации хозяйства и просто паразитирует на увеличивающемся сельском населении, понятно. Можно понять и поведение сельского большинства, которое не видит никаких альтернатив своего рода «социальному страхованию»: обобществлению земли и созданию многодетной семьи.

Реформа Столыпина: последний клапан?

Аграрная реформа Столыпина была ответом дворян-землевладельцев на революцию 1905 г. В основных пунктах программа реформатора совпадала с программой Совета объединенного дворянства: 1) *приватизация* (передача в частную собственность) общинной земли; 2) облегчение покупки крестьянами земли у помещиков (государственный кредит); 3) *аграрная колонизация* – переселение малоземельных крестьян на окраины (прежде всего, в Сибирь).

Краеугольным камнем аграрной реформы был пункт о разрушении поземельной общины. Столыпин ожидал, что идущее вслед за упразднением общины имущественное расслоение деревни расколет крестьянство, и оно перестанет быть такой силой, какой выступало в революции. Второе следствие разрушения общины виделось в исчезновении «*черного передела*» (периодических общинных переделов земли), а ведь именно «черный передел» провоцировал аномально высокий естественный прирост населения в деревне.

Предполагалось, что лишившись гарантированной помощи от односельчан, часть крестьян станет активнее уходить в города, и это запустит новый виток промышленного развития. Расчет делался не только на то, что выйдут «сильные и крепкие», но и на то, что уйдут «слабые».

В ходе осуществления аграрной реформы приватизировалась лишь пахотная земля, а угодья оставались в общине, поэтому приватизируемый надел, как правило, был меньше среднего. Всего из общин вышло 26,6% крестьянских дворов, у которых находилось 16,6% общинной земли.

Факты. За 1905-1915 гг. крестьянское землевладение выросло с 67 до 69 %, т.е. всего на 2%. При этом появившаяся на рынке земля тут же стала дорожать, и число тех, кто мог её купить, быстро уменьшилось. Примерно 4% крестьян продали землю и переселились в город или уехали за Урал. За это же время население страны выросло на 7,3%.

Оправдались ли надежды Столыпина на то, что крестьяне выкупят у помещиков достаточно земли? Нет. Реформа Столыпина не решила проблему аграрного перенаселения и сопутствовавшего ей разрыва между промышленным и аграрным секторами. Не удалось осуществить существенных вложений в деревню и в

промышленность. Не были предложены и сколько-нибудь действенные методы улаживания мощного социального конфликта между помещиками и крестьянами.

Факты. В период нового подъема промышленность дала 580 тыс. дополнительных рабочих мест. В то же время в города, продав свои надель, перешло свыше 4 млн. крестьян. Другими словами, 3,4 млн. из них оказались в городе «лишними».

Военно-полевые суды над крестьянами, виселицы, увеличение в деревне хищнического слоя кулаков-«мироедов» вконец озлобили крестьян-общинников. Система тайных провокаторов и «двойных агентов»², с помощью которой правительство надеялось удержать под контролем политических радикалов, в конце концов, сыграла против самого премьера: убийца Столыпина террорист Богров как раз и был таким «двойным агентом».

ЗАДАНИЯ

Вспомните определения

- ✓ урбанизация
- ✓ аграрное перенаселение
- ✓ «черный передел»
- ✓ »голодный экспорт»

Дайте определения

- ✓ приватизация
- ✓ «недород»
- ✓ инвестор
- ✓ национальный доход
- ✓ расслоение деревни
- ✓ «кулаки»

Подготовьте сообщения

- ✓ Россия 1913 года: ваш комментарий к таблицам.
- ✓ Аграрная реформа Столыпина:.
- ✓ Промышленный подъем 1909-1913 гг.

Выберите тему микро эссе

- ✓ Реформа Столыпина: замысел и результат.
- ✓ Парадоксы российской деревни

² Самый известный из них – глава боевой организации эсеров террорист Азеф, бывший одновременно агентом Охранного ведомства. «Охранка» санкционировала ряд удачных терактов против высших сановников, разоблачая террористов. Однако неясно, кому Азеф нанес больший вред – эсерам или самому правительству.